

О СМЫСЛЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО В НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ МЕТАФИЗИКЕ

И. Кант как-то сказал, что всякая наука истинна настолько, насколько в ней содержится математика. Это высказывание, которое определенным образом выражает сущность новоевропейского мышления, необходимо вызывает вопрос: почему математика становится критерием истинности науки, или что составляет ее сущность? И как в таком случае понимается наука и идеал научности, если математика из всего конгломерата наук оказывается самой научной дисциплиной, наукой в собственном смысле, формой науки как таковой? Впрочем, это только на первый взгляд два отдельных вопроса.

Что же такое математика и чем она превосходит прочие научные дисциплины? Декарт (1596–1650), один из основателей новоевропейской метафизики, а согласно пафосному выражению Гегеля, «герой, еще раз предпринявший дело философствования и начавший заново все с самого начала»¹, утверждает, что математика, а именно арифметика и геометрия, «более достоверны, чем все другие науки»², а также то, что «они являются наиболее легкими и ясными из всех наук»³. И вот почему. «Предмет их столь ясен и прост, что они совсем не нуждаются ни в каких предположениях, которые опыт может подвергнуть сомнению, но всецело состоят в последовательном выведении путем рассуждения»⁴. Сходным образом о математике отзывается Лейбниц. Исключительность математики, по его словам, «заключается в природе объекта, где истина без труда, без дорогостоящих экспериментов может столь очевидно явиться нашему взору, что не оставляет больше никаких сомнений, а некая последовательность, я бы сказал, цепь рассуждений развертывается так, что дает нам полную уверенность в выводах и указывает безошибочный путь в дальнейшем»⁵. Итак, в математике и Декарта, и Лейбница, и новоевропейскую мысль в целом привлекает ясность и достоверность, и эта привлекательность не в последнюю очередь связана с необходимостью, по выражению Гегеля, всё «начинать с самого начала». Так называемая «простота» задается отвлеченностью начал, априорностью предмета математики, которая, не будучи обременена матери-

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. СПб.: «Наука», 1999. С. 318.

² Декарт Р. Правила для руководства ума // Избранные произведения. М., 1950. С. 84.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Лейбниц Г.В. Элементы разума // Сочинения в 4-х тт. Т. 3. М.: «Мысль», 1984. С. 446.

альностью и через это ограниченностью своего предмета, остается свободной и пребывает целиком в области умозрения. Однако ни Лейбниц, ни Декарт, собственно, не призывают заниматься математикой, несмотря на все ее превосходство над другими науками. Ведь дело заключается в том, что истинную науку еще только необходимо создать. Как в свое время Сократ восхитился понятием *νοῦς* у Анаксагора, который, якобы сообщает всему порядок и всему служит причиной, но так и не нашел, где бы тот развил это понятие и действительно из него объяснил причины той или иной вещи⁶, так и Декарт жалуется на то, что он «перечитал большую часть трудов» математиков, но ему так и «не посчастливилось найти такого автора, который бы меня удовлетворил», т.к. ни один из них не мог указать, каким *путем* достигались те или иные его открытия⁷. Математика как отдельная дисциплина, т.е. геометрия и алгебра, принципиально еще не есть та универсальная наука, которую ищет Декарт. Математика является наиболее формальной из всех наук, но все же еще не чистой формой науки. Позже Гегель в предисловии к своей «Логике» скажет: «Философия, поскольку она должна быть наукой, не может... для этой цели заимствовать свой метод у такой подчиненной науки, как математика, и точно так же она не может довольствоваться категорическими заверениями внутреннего созерцания или пользоваться рассуждениями, основывающимися на внешней рефлексии»⁸, но чтобы отказаться от идеала математики, философии пришлось пройти немалый путь. Пока же она есть, согласно Декарту, образец науки как таковой.

Задача Декарта заключается в том, чтобы отыскать основание науки как таковой, чистую форму науки, или иначе, построить универсальную науку, чтобы она могла служить всеобщим основанием для отдельных наук, или, как говорит Декарт, их «источником»: «Должна существовать некая общая наука, объясняющая все относящееся к порядку и мере, не входя в исследование никаких частных предметов»⁹, причем «эта наука должна содержать в себе первые начала человеческого разума и простирает свои задачи на извлечение истин относительно любой вещи»¹⁰. Впрочем, так и осталось непроясненным, какова необходимость создания универсальной науки и что в сущности привлекает философов в образе математики? В ситуации, когда мысль более не имеет опоры в откровении Священного писания, так как оказалась разрушенной сама исходная метафизическая позиция средневекового понимания бытия как Слова, возникла необходимость в новом основании достоверности познания. В связи с этой необходимостью и приобретает фундаментальное

⁶ Платон. Федон // Сочинения. М.: «Мысль», 1993. С. 56-57.

⁷ Декарт Р. Правила для руководства ума... С. 84.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб: «Наука», 1997. С. 19.

⁹ Декарт Р. Правила для руководства ума... С. 94.

¹⁰ Там же. С. 91.

значение процедура сомнения, осуществляемая Декартом, в сущности ничем не отличная от задачи разрушения идолов Ф. Бэкона. Совершенно несомненным и, следовательно, новым искомым основанием достоверности оказывается само мышление, *Ego Cogito*, мыслящее Я.

Но для того, кто «начинает с самого начала», неплохо бы знать не только с чего начинать, но и куда идти, т.е. знать метод (методос – по-гречески «путь»). Согласно Лейбницу, «именно тот метод исследования совершенен, который позволяет предвидеть, к какому результату мы придем»¹¹. Какова конечная цель Декарта? Как он сам говорит в «Правилах для руководства ума», единственное достойное дело, по сравнению с которым все остальные занятия имеют второстепенное и вспомогательное значение, есть увеличение естественного света разума, т.е. сам по себе хороший ум (*bona mens*) и всеобъемлющая Мудрость¹², или, иначе говоря, Истина как таковая. В трактате «Рассуждение о методе» Декарт формулирует свой метод в четырех пунктах, а именно: 1) никогда не принимать за истинное ничего, что вызывает хоть сколько-нибудь сомнения в своей истинности, но включать в свои суждения только то, что представляется уму ясным и отчетливым; 2) делить каждое из исследуемых затруднений на части; 3) придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов более простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию более сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи; 4) всегда составлять перечни столь полные, чтобы была уверенность в отсутствии упущений¹³. В качестве основных инструментов познания Декарт использует два действия интеллекта, непосредственно заимствованных из математики и возведенных в степень всеобщности: интуиция и дедукция. *Интуиция* здесь есть «понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет сомнения, что мы мыслим»¹⁴; *дедукция* же – способ познания того, что не является самоочевидным, но «выводится из верных и понятных принципов путем последовательного и нигде не прерывающегося движения мысли при зоркой интуиции каждого отдельного положения»¹⁵. И в этом смысле метод показывает, как пользоваться интуицией ума, чтобы не впасть в заблуждения, и как должна быть построена дедукция для познания всех вещей (Пр. IV). «Главным секретом метода» Декарт считает то принадлежащее ему открытие, что все вещи можно разбить по определенным классам, но не по роду и категориям филосо-

¹¹ Лейбниц Г.В. Об универсальном синтезе и анализе, или об искусстве открытия и суждения // Там же. С. 122.

¹² Декарт Р. Правила для руководства ума... С. 80.

¹³ Декарт Р. Рассуждения о методе // Там же. С. 272.

¹⁴ Декарт Р. Правила для руководства ума... С. 86.

¹⁵ Там же. С. 87.

фов, как это показал Аристотель, но «по зависимости познания одной вещи от познания другой»¹⁶ (Пр. VI). Кстати, позднее Кант, исходя из этого же основания сформулирует свою таблицу категорий.

Остается вопрос, почему новая наука, не являясь математикой в общепринятом смысле, все же называется именно *математикой*? Слово «математика» происходит от греческого τὰ μαθηματα, что значит – науки, множественное число от слова τὸ μαθημα – знание, познание, наука, равное по значению слову ἡ μαθησις – учение, изучение, познание, обучение, знание, наука, необходимым образом связанным с μαθηαω – учиться, узнавать, замечать, понимать, изучать; таким образом, «математическое» в собственном смысле этого слова означает учение как таковое и как таковое знание. Чтобы понять, что такое математическое, ответим на вопрос: когда возможно учиться? Этот вопрос в свою очередь необходимым образом связан со следующим: как возможно научить? Сократ неслучайно связывает свой способ обучения (майевтика) с искусством повивальной бабки. В отличие от софистов, он не раздает и тем более, не продает учений – он лишь помогает желающему познать истину извлечь на свет то, что в нем уже есть. Обучение необходимо связано с *уже* имеющимся, *уже* известным и *уже* известным. Вопрос в том, как дано нам это известное. Когда душа после смерти попадает в долину Лэта, она пьет из реки забвения Амэнос. Нахлебаться вволю – означает забыть, забыть все, что было с тобой, пока ты был человеком, а значит навсегда утратить свою человеческую сущность. Попадая в тело, душа сохраняет в себе знание, но оно забыто, забыта истина. В связи с этим Платон говорит о познании истины как о восстановлении в памяти, о припоминании. И мера глубины этого познания задается той богатейшей традицией мнемонического искусства, которая занимала лучшие умы эллинизма, Ренессанса и Нового времени. Декарт также исходит из того, что в человеке изначально заключено понимание, что оно врождено ему. Поэтому когда он говорит об интуиции и дедукции как формах деятельности разума, он отказывается пояснять, что они такое, т.е. учить им. Действия интуиции и дедукции «являются простейшими и первичными и именно, если наш разум не умел пользоваться ими раньше, он не в состоянии будет понять предписаний нашего метода, как бы они ни были просты»¹⁷. Ибо это суть формы самой изначальной, врожденной человеку способности – способности мыслить. А кто ее в себе не знает, тому не стоит и браться за познание истины. Интуиция и есть незамутненный голос разума, дающий ясное и отчетливое представление о том, что есть равенство, причина, и т.д.

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Там же. С. 89.

Тезис Декарта *Cogito ergo Sum* и вместе с тем активность субъекта как субъекта достоверности не есть просто произвол, пусть и вызванный необходимостью поиска нового основания познания, утраченного в лице Бога и божественного слова. Возвращаясь к себе, осуществляя акт сомнения и сталкиваясь с несомненностью и изначальностью самого мыслительного акта, Декарт осуществляет дело, завещанное Сократом, – дело познания себя. Это познание и есть в собственном смысле *μάθησις*, математическое, которое есть также метафизическое. *Ego Cogito* есть таким образом, *Cogito me cogitare*, познающее себя, или знающий себя разум.

Смысл математического, как заранее известного, раскрывается в позиции науки относительно выдвижения условий познания. Когда Галилей в ответ на указания коллег, что, мол, никакой пустоты, о которой он рассуждает, не существует, заявляет, что он этого и не утверждает, но лишь разъясняет процесс, происходящий *при условии* ее наличия. Математическое мышление есть всегда мышление предвосхищающего характера, неразрывно связанное с *ἀξίω* и *ἀξίωμα*, почитанием и уважением, принятием в качестве безусловного и неоспоримого авторитета, аксиоматикой. Каков источник незыблемых и потому почитаемых истин? *Mente Concipere* – говорит Галилей, схватываю в собственном уме. Вопрос, откуда берутся условия познания и законы социума, получает, следовательно, ответ – из ума, естественно, имеющего характер *mente concipere*. Такой ум извлекает эти условия из себя, он раскрывает себя и себя демонстрирует. И в этом заключена творческая мощь новоевропейского разума. Отныне творит сам разум, при этом творит из ничего. Он сам есть первореальность, в то время как ни Бог, ни природа таковыми не являются, хотя и неразумно отрицать то, что они существуют.

Кант говорит: «Мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими»¹⁸. Лейбниц же утверждает следующее: «Установление гипотезы, или объяснения способа порождения, есть не что иное, как доказательство возможности предмета, даже если представляемый предмет зачастую не порождается этим способом»¹⁹. Познать – значит повторить. А следовательно, дабы познать природу, человеку пришлось бы воссоздать ее. Но воссоздать природу в ее полноте невозможно для человека. Однако человеческому разуму доступна последовательность, порядок и естественный свет. Сформулировать все условия: от самых основных к наиболее отдаленным и вывести следствия – вот задача и смысл деятельности разума. Это же и есть метод. Исчислить и обозначить, сосчитать и выразить – вот то, что пытаются осуществить Декарт и Гоббс, Лейбниц и Галилей, Ньютон и вся новоевропейская наука.

¹⁸ Кант И. Критика чистого разума. М.: «Мысль», 1994. С. 19.

¹⁹ Лейбниц Г. В. Об универсальном синтезе... С. 119.

Таким образом, математика, если учесть ее глубинное значение как *μαθησις*, а не есть только одна наука среди других естественных наук, точно так же, как философия не есть только *одна из наук гуманитарных*. Она есть их всеобщее, а значит, задающее условие существования и осмысленности самих этих наук. Таким образом, неверно, что математика как частная наука тождественна *μαθησις*, но справедливо то, что и математика как наука наделена чертами математического как такового. Недаром к высказыванию о том, что «должна существовать некая наука, объясняющая все относящееся к порядку и мере, не входя в исследование никаких частных предметов», Декарт добавляет: «И эта наука должна называться не иностранным, но старым, уже вошедшим в употребление именем всеобщей математики, ибо она содержит в себе все то, благодаря чему другие науки называются частями математики»²⁰.

Благодаря прояснению смысла математического как заранее известного, но в данный момент недоступного, новое звучание получает и известное выражение касательно истинности всякой науки, а именно: чем больше в науке математического в смысле *μαθησις*, тем она более истинна как наука.

Дело создания универсальной науки, *Mathesis Universalis*, Т. Гоббс (1588–1679) предпринимает в форме так называемого учения о наименованиях. Вообще говоря, Гоббс стоит на позиции номинализма, которая утверждает номинальность, или формальность, общих имен, или как было принято говорить еще в Средневековье, т.е. в самый разгар споров между номиналистами и реалистами, универсалий, и признает реальность исключительно за индивидуальными вещами. Сущее, согласно Гоббсу, наименовано. Но не в том смысле, что сущее имеет логосную основу, то есть само себя рассказывает и в котором каждая вещь сама через собственное осуществление себя называет, но так, что сам говорящий (т.е. человек по преимуществу, поскольку никто другой среди живых существ не наделен способностью языка) дает всему сущему имена и определения. Такое отношение к сущему задается общей новоевропейской установкой, метафизическое основание которой было задано Декартом. Исходя из этой установки, Гоббс определяет философию следующим образом: «Философия есть скорее естественный человеческий разум, усердно изучающий все соответствующие вещи, чтобы сообщить правду об их порядке, их причинах и следствиях»²¹. Таким образом, в качестве исходной посылки берется то, что все сущее может быть представлено как цепь причин и следствий, т.е. подчинено порядку, как

²⁰ Декарт Р. Правила для руководства ума... С. 94.

²¹ Гоббс Т. Основ философии ч. I. О теле // Сочинения. М.: «Мысль», 1989. С. 71.

подлинне выяснит Кант, вносимому в природу самим рассудком. В своем исследовании Гоббс ищет «метод, соответствующий порядку творения одних вещей»²² и берется построить изложение своих «Основ философии» как подражание божественному творению – «Подражай акту творения!» – и его отражение. Он стремится все расставить по местам и все привести в соответствие: «Все хаотическое должно быть разложено на составные части, а последние следует отличить друг от друга, и всякая часть, получив соответствующее ей обозначение, должна занять свое прочное место»²³. Таков метод построения его трактата, таков же характер его отношения к сущему: разложить на части, обозначить, расставить по местам. Но отношение философа всегда есть мыслящее отношение (*der erfahrende Bezug*, познающее и внимающее отношение, как скажи бы М. Хайдеггер). Вопрос, следовательно, заключается в том, как Гоббс понимает мышление вообще? «Под рассуждением я подразумеваю... исчисление»²⁴, где исчисление понимается им в том числе буквально как набор арифметических операций: «Складывать и вычитать можно и величины, тела, движения, времена, ступени, качества, действия, понятия, отношения, предложения и слова»²⁵.

Философия языка Гоббса есть часть его *philosophia civilis*, гражданской философии, первооткрывателем которой он сам себя считает. Гоббс выделяет естественное состояние человечества, состояние гражданское войны, в котором человек, *animal rationalis*, проявляет себя исключительно со стороны своей *animalitas*, «животной», а вернее звериной, составляющей: *homo homini lupus est*, человек человеку – волк. В естественном состоянии языки смешаны и нет между людьми понимания и самой возможности договориться. Для приведения данного животного состояния к состоянию «человеческому» необходим закон, который также есть и всеобщий язык. Средством достижения однозначности высказывания и мысли каждого отдельного человека для самого себя служат, согласно Гоббсу, так называемые, *метки*, *notae*, а именно «чувственно воспринимаемые вещи, произвольно выбранные нами, с тем чтобы при помощи их чувственного восприятия пробудить в нашем уме мысли, сходные с теми, ради которых мы применили эти знаки»²⁶. Однако дело создания универсального языка, собственно, заключается в том, чтобы придать этим меткам общезначимый характер, характер *знаков*, *signa*: «Только тогда, когда эти метки памяти являются достоянием многих и то, что изобретено одним, может быть перенято другим, наука

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 74.

²⁵ Там же. С. 76.

²⁶ Там же. С. 82.

может развиваться на благо всего человеческого рода»²⁷. Таким образом, универсальность языка есть необходимое условие как для существования научного знания, так и для возможности человеческого общежития в целом.

Двумя моментами, на которых следует остановиться особо, являются, во-первых, определение знаков как «вещей, следующих друг за другом, предваряющих и последующих»²⁸, т.е. следующих друг за другом по последовательности согласно некоторому правилу; и во-вторых, произвольный характер меток и знаков как таковой. Требуя последовательности и закономерности от знаков, Гоббс воплощает декартовское требование последовательности как составляющей научного метода. Что же касается произвольности меток и знаков, то в этом скрывается сама суть новоевропейского разума и смысл математического в целом. В то время как античность внимает существу как наделенному словом и разумом, а Средневековье напряженно внимает самому божественному слову и им вразумляется, Новоевропейский разум законодательствует сам – над собой, природой и словом. Свет разума и последовательность рассуждения, интуиция и дедукция – вот инструменты истинного познания в Новое время. *Ego Cogito* дает определения вещам по своему произволу, не прислушиваясь, подобно грекам к смыслу самих вещей, оно вписывает вещи в условия, заданные им самим, тем самым уравнивая вещи относительно собственных категорий, благодаря чему природа лишается собственного живого и логосного характера, обретая характер пространственно-временного континуума точечных масс. Лейбниц усматривает некоторую опрометчивость Гоббса в отношении того, что тот считает все определения произвольными и номинальными. Согласно Лейбницу, Гоббсу присущ даже некоторый «сверхноминализм»²⁹, следствием которого является утверждение о том, будто бы «все истины могут быть доказаны из определений»³⁰, или говоря словами самого Гоббса, *veritas enim in dicto, non in re consistit*, истина содержится не в вещах, а в словах. Лейбниц утверждает, что если даже знаки сами по себе взяты произвольно, то их употребление и связывание по необходимости «заключает в себе нечто такое, что не является произвольным, а именно некую пропорцию между знаками и вещами, а также взаимные отношения различных знаков, выражающих те же вещи. И эта пропорция, или отношение, есть фундамент истины»³¹.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ *Лейбниц Г.В.* Предисловие к изданию сочинения Марка Низолия «Об истинных принципах и истинном методе философствования против псевдофилософов» // Там же. С. 90.

³⁰ *Лейбниц Г.В.* Об универсальном синтезе... С. 118.

³¹ *Лейбниц Г.В.* Диалог // Там же. С. 406-407.

Однако остается непроясненным, в чем заключается основание для взаимосвязи знаков. Для прояснения этого момента еще раз остановимся на понимании истины у Гоббса. Как известно, согласно его учению о языке, истина всегда есть истинное предложение, имеющее форму S есть P. Истинное предложение именно тем отличается от неистинного, что в нем как субъект, так и предикат относятся к одному и тому же, на что и указывает связка «есть». Таким образом, «Есть» как копула представляет собой в то же время выражение истинности предложения³² и, следовательно, указывает на то, что существует основание (causa) связывать именно такие S и P в предложении. С другой стороны, связка «есть», согласно своему исконному смыслу «указания», выявленному в трактате Аристотеля «Об истолковании», является знаком того, что речь идет об отличительных признаках той или иной вещи, благодаря которым она именуется именно так, а не иначе. Но спрашивая об *esse aliquid*, т.е. об отличительном в вещи, мы спрашиваем о *quidditas*, о ее сущности. «Выговаривать “есть” в предложении, мыслить копулу означает мыслить основание возможной и необходимой идентичной соотносительности субъекта и предиката с одним и тем же. То, что мыслится в “есть”, основание, представляет собой что-бытие (*realitas*). Тем самым “есть” свидетельствует об *essentia* или *quidditas* вещи, о которой высказывается высказывание»³³. Таким образом, даже самый крайний номинализм неизбежно возвращается к основанию в самом бытии сущего и тем самым обретает метафизическую глубину.

И тем не менее для Гоббса является существенным тот факт, что наименование сущего зависит от произвола мыслящего. В перспективе сформулированного Декартом принципа первореальности *Ego Cogito*, а Гоббс необходимым образом мыслит в рамках этой фундаментальной установки, дело и не может обстоять иначе. Отказавшись от внешнего авторитета, мыслящее Я освободило себя для законодательства и удостоверения истины только исходя из собственного основания.

В философии Лейбница (1646–1716) задача создания универсального учения выражается в задаче создания искусства комбинаторики. Идею создания подобного искусства он сам возводит к своим юношеским мечтам о создании универсального алфавита мышления: «Когда я был еще мальчиком и не изучал еще ничего, кроме обычной логики, еще не владел математикой, неизвестно почему у меня вдруг появилась мысль, что можно создать анализ понятий, в результате которого из каких-то комбинаций возникнут истины, которые можно даже будет выра-

³² Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб: «ВРФП», 2001. С. 247.

³³ Там же. С. 245.

зять в числах»³⁴. Эта юношеская идея, и верно, не дает покоя мыслителю всю жизнь. Что такое комбинаторика? Очевидно, что в основе этого учения вновь лежит идея универсальности языка, вызванная необходимостью преодоления двусмысленности и неизбежной избыточности естественного языка и сложившегося на его основе языка науки, однако в несколько другой модификации, чем это было у Гоббса. Если Гоббс ограничивается изложением причин и необходимости универсального наименованием вещей, отводя эту задачу на долю наделенного языком мыслящего субъекта, то для Лейбница, и не в последнюю очередь во избежание так называемого «гоббсовского затруднения», существенным делом является задача выяснения оснований возможности создания универсального языка вообще.

Лейбниц формулирует задачу следующим образом: «Имело бы смысл, если бы сначала были получены истинные предикаты простых терминов, а на их основе составлялось бы нечто новое, т.е. чтобы был составлен своего рода алфавит мышления, или каталог высших (или принятых за высшие) родов, как если бы мы имели *a, b, c, d, e, f*, из которых комбинационно получались бы высшие понятия»³⁵. Такая задача, определенно, предполагает принципиальную исчислимость и доступность сущего свету познающего разума. Познающий новоевропейский разум есть также разум представляющий, который не желает довольствоваться так называемыми теоретическими истинами, но который осуществляет познание с перспективой дальнейшего использования познанного. Новый язык науки, следовательно, должен быть прежде всего удобен и нагляден.

Но для создания чего-то подобного универсальному алфавиту мышления, необходимо было изменить само основание: «Вскоре я заметил, что для правильного построения рядов предложений нужно лучше располагать сами понятия, или несложные термины, и поэтому следует полностью перестроить обычные предикаты. Ибо я видел, что из правильного расположения несложных терминов силлогизма никакими силами не должен возникнуть сам силлогизм». И далее: «Я заметил, что понятие, предиктируемое о другом понятии, присутствует в нем так же, как умножаемое число в произведении»³⁶. Мысль о присутствии предиктируемого о другом понятии в самом этом понятии, или, иначе, присутствие предиката в субъекте, есть существеннейшее положение лейбницевской метафизики. Комбинаторный метод Лейбница, таким образом, необходимым образом связан с субъектно-предикативной структурой высказывания, которая в свою очередь предполагает определенную

³⁴ Лейбниц Г.В. Элементы разума. С. 458.

³⁵ Лейбниц Г.В. Об универсальном синтезе... С. 115.

³⁶ Там же.

концепцию бытия, а именно бытия (*esse*), понятого как включенность (*in*esse). Согласно этой концепции, в логике предикат рассматривается включенным в субъект, понятый в смысле греческого подлежащего, *ὑποκειμένου*, то есть того, о чем все сказывается, но что само ни в чем не содержится и ни о чем не сказывается. В области же онтологии понимание бытия раскрывается через т.н. монадологию Лейбница, т.е. учение о монадах как духовных единицах мироздания. Монада, согласно Лейбницу, есть зеркало универсума, т.е. она из своей собственной перспективы представляет универсум в целом.

Согласно Лейбницу, «комбинаторное искусство... есть такая наука... в которой речь идет о формах вещей или формулах универсума»³⁷. Таким образом, всякая вещь представляется теперь не только оформленной, но также и принципиально формулируемой. И хотя, с одной стороны, всякая вещь, будучи зеркалом универсума в целом, представляет собой и формулу мира, хотя и в свернутом виде, ограниченность ее человеческой формулировкой чрезвычайно ее обедняет. Что касается преодоления так называемой «гоббсовской трудности», то здесь Лейбниц предпринимает разделение на *номинальные* и *реальные* определения, так что «номинальное определение состоит в перечислении признаков, или реквизитов, предмета, достаточных для отличия его от всех других»³⁸, без уточнения того, совместимы ли комбинационные понятия одно с другим, о чем «можно судить не иначе как с помощью опыта или с помощью сведения к отчетливым простым понятиям»³⁹, в то время как «всякое реальное определение содержит по крайней мере некоторое утверждение возможности»⁴⁰. «Сколь бы произвольно не брались обозначения, достаточно, однако, соблюдать правильный порядок и следовать верному методу, чтобы все всегда оказывалось в согласии»⁴¹. Лейбниц утверждает, что «Понятия не могут связываться произвольно, — из них должна образовываться мысль (*conceptus*) возможная»⁴². С этим утверждение необходимым образом связана следующая мысль Лейбница, а именно: «Все возможное требует существования»⁴³.

³⁷ Там же. С. 122.

³⁸ Там же. С. 116.

³⁹ Там же. С. 117.

⁴⁰ Там же. С. 118-119.

⁴¹ Лейбниц Г.В. Диалог. С. 407.

⁴² Лейбниц Г.В. Об универсальном синтезе... С. 118.

⁴³ Лейбниц Г.В. Абсолютно первые истины // Там же. С. 123.